

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Плещанов А.Г. К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72726
EDN: UATYNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72726

К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе**Плещанов Александр Геннадьевич**

кандидат юридических наук

доцент; кафедра гражданского процесса; Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, оф. 404

 algenp0911@gmail.com[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72726

EDN:

UATYNG

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Аннотация: Объектом исследования является один из основных элементов процессуально-правового статуса представителя в цивилистическом процессе — специальные полномочия представителя. Предметом исследования выступают нормы отраслей процессуального (гражданского, арбитражного и административного) права, регулирующие институт судебного представительства, а также работы учёных-процессуалистов по проблемам представительства в суде. Особое внимание уделяется анализу состояния правового регулирования состава специальных полномочий представителя как с точки зрения соответствия ныне закрепленного перечня этих полномочий критериям отнесения к специальным, так и с точки зрения возможности или необходимости его пополнения за счет новых прав сторон и других участвующих в деле лиц, получивших закрепление после вступления в силу ныне действующего ГПК РФ. Методологическую основу исследования составили следующие методы: анализ, синтез, системно-структурный, формально-логический, теоретико-прогностический,

сравнительно-правовой, толкование норм права. Новизна исследования состоит в том, что специальные полномочия впервые рассматриваются сквозь призму объективных критериев их нормативного закрепления, обусловленных правовой природой процессуальных действий, совершаемых представителем от имени представляемого. По результатам исследования сделаны следующие выводы. Нормативное закрепление состава специальных полномочий представителя должно основываться, прежде всего, на следующих критериях отнесения полномочий к числу специальных: распорядительная природа действий представителя, последствия действий представителя для доверителя, влияние действий представителя на возникновение и движение дела. Действие нескольких критериев одновременно в отношении того или иного полномочия необходимо рассматривать как фактор, дополнительно указывающий на необходимость их включения в состав специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать: а) необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном; б) появление новых прав сторон, возникновение которых с учетом критериев отнесения должно основываться на прямом закреплении в доверенности. На основе проведенного анализа влияния выделенных критериев на регулирование состава специальных полномочий представителя, а также с учетом необходимости устранения неоправданных расхождений в регулировании данного вопроса в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве высказаны предложения по дополнению перечня, предусмотренного ст. 54 ГПК РФ.

Ключевые слова:

судебный представитель, специальные полномочия представителя, общие полномочия представителя, движение дела, распорядительные действия сторон, право обжалования, последствия действий представителя, заключение медиативного соглашения, предъявление дополнительного требования, подписание искового заявления

Специальные полномочия представителя, наряду с общими полномочиями, а также обязанностями, являются неотъемлемым элементом его процессуально-правового статуса. Вопросы правового статуса представителя в гражданском процессе исследовали в своих работах такие ученые, как Л.В. Войтович, И.М. Зайцев, В.П. Ивакин, И.М. Ильинская, Л.Ф. Лесницкая, Я.А. Розенберг, Р.А. Сидоров, К.И. Скловский, Е.Г. Тарло С.А. Халатов, В.М. Шерстюк. В то же время вопрос о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя заслуживает внимания в качестве самостоятельной проблемы, имеющей как теоретическую, так и практическую значимость.

Обобщая мнения ученых, можно констатировать, что под специальными в теории судебного представительства понимаются такие полномочия представителя, каждое из которых должно быть отдельно оговорено в выданной ему доверенности [\[3, с. 21-23; 10, с. 150-151; 11, с. 106-110\]](#). Нормативное регулирование данного элемента правового статуса представителя осуществляется путем установления закрытого перечня полномочий (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ, ст. 56 КАС РФ). Общие полномочия, напротив, возникают у представителя в силу закона, а потому не требуют указания в доверенности. Используя термин «полномочия» применительно к представителю, законодатель подчеркивает

нетождественность понятий «полномочие» и «право» (в субъективном смысле), что справедливо подмечено в литературе [\[1, с. 213; 2, с. 107-110\]](#). Полномочие процессуального представителя представляет собой своеобразный симбиоз субъективного права представителя на совершение от имени и в интересах представляемого процессуальных действий и обязанности совершить указанные действия [\[11, с. 102\]](#).

Среди факторов, обуславливающих актуальность вопроса о критериях закрепления специальных полномочий представителя необходимо назвать следующие: а) существенное повышение значимости института представительства вообще и профессионального представительства в частности в условиях усиления принципа состязательности в российском гражданском процессе; б) законодательное закрепление новых прав сторон, вопрос о видовой принадлежности которых в контексте статуса судебного представителя ранее в отечественной процессуальной теории не рассматривался (право выбора примирительной процедуры, право передачи дела из суда на урегулирование в рамках процедуры медиации, право на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела, право заявлять ходатайство о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства и некоторые другие); в) необходимость выработки унифицированного подхода к определению круга специальных полномочий во всех трех видах судопроизводства гражданского процесса (гражданском, арбитражном, административном).

В этой связи представляется важным рассмотреть состояние правового регулирования состава специальных полномочий с использованием таких методов исследования, как анализ, синтез, формально-логический метод, а также метод толкования норм права, имея в виду, что именно эти методы позволяют объективно и всесторонне оценить состояние правового регулирования вопроса, которое включает в себя нормы различных институтов гражданского процессуального права (преимущественно содержащихся в главах 4, 5, 14.1, 39, 41, 41.1, 42 ГПК).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что за период действия (с момента принятия процессуальных кодексов по настоящее время) статьи процессуальных кодексов, посвященные полномочиям представителя, ни разу не подвергались какой-либо корректировке, будь-то изменение или дополнение.

С одной стороны, стабильность в правовом регулировании является оправданной, ведь процессуальная форма по определению вбирает в себя всё лучшее, что накоплено практикой правоприменения за длительный исторический период существования правосудия как функции государства [\[4, с. 41\]](#). С другой стороны, состав полномочий представителя, требующих закрепления в доверенности, должен время от времени корректироваться хотя бы ввиду закрепления новых процессуальных прав сторон и других участвующих в деле лиц, защита интересов которых в суде может осуществляться представителями. В противном случае существует опасность перехода стабильности регулирования в стагнацию, что не может оцениваться положительно. Не менее значимым фактором, обуславливающим необходимость корректировки нормативно установленного перечня специальных полномочий представителя, является продолжающаяся унификация процессуального законодательства. Вопрос о специальных полномочиях представителя, без сомнения, относится к числу вопросов, требующих единообразного регулирования во всех трех судопроизводствах гражданского процесса — гражданском, арбитражном и административном — поскольку объективных оснований для дифференцированного регулирования указанного вопроса попросту не имеется. В реальности же наблюдается целый ряд ничем не оправданных расхождений в

регламентации рассматриваемого вопроса.

В основе оптимального регулирования состава специальных полномочий должны лежать четкие, выверенные (как с теоретической, так и с практической точки зрения) критерии, по которым законодатель относит те или иные полномочия представителя к числу специальных. При этом некоторые полномочия могут подпадать под действие сразу нескольких критериев, что, на наш взгляд, следует рассматривать как фактор, дополнительно указывающий на необходимость их включения в состав специальных.

Распорядительная природа действий представителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Такой фактор, как распорядительная природа прав сторон, играет, пожалуй, ведущую роль при определении круга специальных полномочий представителя. По справедливому замечанию Т. В. Сахновой, распорядительные права сторон (ст. 39 ГПК) имеют материально-правовой объект, а потому возникают у представителя по особому распоряжению стороны, выраженному в доверенности, причем, каждое распорядительное право указывается отдельно [\[8, с. 226, 235\]](#).

Простое сопоставление перечня специальных полномочий представителя, закрепленного в ст. 54 ГПК, и распорядительных актов сторон, предусмотренных ст. 39 ГПК, позволяет сделать следующий вывод: шесть из семи распорядительных актов включены законодателем в перечень специальных полномочий представителя и при этом составляют почти половину от общего объема таких полномочий (своего рода «костяк» специальных полномочий). Это права истца изменить основание или предмет иска, уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска, право ответчика признать иск, право сторон окончить дело мировым соглашением. Аналогичной является природа права на получение присужденного имущества или денег: взыскатель, исходя из принципа диспозитивности, волен отказаться от получения того, что присудил суд в его пользу. В этом смысле исполнение решения тоже находится в сфере свободного распоряжения истца (взыскателя).

Таким образом, за рамками перечня специальных полномочий представителя законодатель оставляет только одно распорядительное право истца — право увеличить размер исковых требований. Логика в таком подходе, безусловно, присутствует: если увеличение размера исковых требований ведет к улучшению положения представляемого лица, то уменьшение — к его ухудшению (по сравнению с тем, которое имело место на момент предъявления иска). Казалось бы, такое положение вещей может быть основой для единообразного регулирования вопроса в гражданском и арбитражном процессах. Однако, ст. 62 АПК не относит к числу специальных полномочий представителя ни уменьшение, ни увеличение размера исковых требований, с чем трудно согласиться, особенно учитывая позицию ВС РФ, согласно которой, реализуя предусмотренное частью 1 статьи 49 АПК РФ право на уменьшение размера исковых требований, истец фактически отказывается от части иска; в случае возникновения неопределенности в вопросе о том, имели место уменьшение размера исковых требований или частичный отказ от иска, суды должны руководствоваться формулировкой соответствующего заявления истца, учитывая право истца на самостоятельное распоряжение процессуальными правами и должное осознание им различных последствий применения названных процессуальных институтов (п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции").

Полагаем, что право на увеличение размера исковых требований не требует включения в перечень специальных полномочий, поскольку увеличение размера исковых требований не несет в себе каких-либо рисков наступления негативных последствий для доверителя в случае совершения представителем данного процессуального действия. Необходимость доплаты государственной пошлины в соответствии с увеличенным размером исковых требований вряд ли можно считать негативным последствием, поскольку понесенные таким образом дополнительные финансовые затраты при удовлетворении иска в полном объеме будут компенсированы выигравшему дело доверителю в порядке распределения судебных расходов (ст. 98 ГПК).

В контексте распорядительной природы прав заслуживает отдельного внимания право истца на предъявление дополнительного требования. С формально-юридической точки зрения такого распорядительного права в цивилистическом процессе не существует, поскольку оно не предусмотрено ни одним из действующих процессуальных кодексов (ст. 39 ГПК, ст. 49 АПК, ст. 46 КАС). При этом ни процессуальная наука [\[5, с. 159\]](#) [\[9, с. 22-24\]](#), ни судебная практика (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции») вполне обоснованно не рассматривают предъявление дополнительного требования как форму изменения предмета иска или как разновидность увеличения размера исковых требований. В то же время, по значимости последствий для истца предъявление дополнительного требования вполне сопоставимо с изменением предмета иска: оба распорядительных акта направлены на конкретизацию пределов испрашиваемой судебной защиты. В этой связи, на наш взгляд, было бы обоснованным закрепление права истца на предъявление дополнительного требования как самостоятельной формы распоряжения исковыми средствами защиты и включение данного права в перечень специальных полномочий представителя путем внесения дополнений в соответствующие статьи ГПК, АПК и КАС.

Право на заключение мирового соглашения (в том числе, по результатам процедуры судебного примирения) традиционно включается в состав специальных полномочий представителя. В таком подходе, на наш взгляд, находит выражение признание соответствия данного полномочия всем трем критериям специальных полномочий. Ведь в условиях, на которых стороны заключают мировое соглашение, выражается их двухстороннее волеизъявление по распоряжению предметом спора (распорядительная природа) и одновременно на окончание процесса без вынесения судебного решения (влияние на движение дела), а также принятие последствия в виде невозможности повторного обращения в суд с тождественным иском в будущем (значимость последствий действий представителя для доверителя).

Возникает вопрос: должно ли относиться к специальным полномочиям представителя право на заключение медиативного соглашения, которое достигнуто по результатам передачи спора для урегулирования в рамках процедуры медиации после возбуждения дела в суде? По нашему мнению, на данный вопрос должен быть дан утвердительный ответ на законодательном уровне, несмотря на то, что в настоящее время и в ГПК РФ, и в АПК РФ таковой отсутствует.

Возможно, законодатель сознательно не стал решать указанный вопрос, имея в виду, что объем полномочий представителя в рамках процедуры медиации не должен регулироваться процессуальным законом, поскольку доверенность, на основании которой он действует в рамках данной процедуры, по своей природе не является судебной. Иными словами, для осуществления представительства в рамках медиативной

процедуры достаточно доверенности на совершение юридически значимого действия (ст. 185 ГК).

Однако по действующему российскому закону о медиации различаются медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, и медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной *после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда*. Причем первое из указанных видов соглашений, по мысли законодателя, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. В отношении же второй разновидности медиативного соглашения закон наделяет стороны правом просить суд об утверждении такого соглашения в качестве мирового (ч. 3 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», далее — Закон о медиации).

Тогда возникает следующий вопрос: вправе ли представитель, который в соответствии с доверенностью имеет право на заключение медиативного соглашения, ходатайствовать об утверждении этого соглашения в качестве мирового, или полномочие на предъявление такого ходатайства должно отдельно оговариваться в доверенности?

Как видно из приведенной нормы, применение медиации в отношении спора, уже переданного на рассмотрение суда, служит основой для специального регулирования по вопросу об утверждении медиативного соглашения. Но в таком случае было бы логичным учитывать связь между медиацией и судебным процессом по конкретному спору и при решении вопроса о характере полномочий представителя по заключению медиативного соглашения и его передаче на утверждение в качестве мирового судом.

По нашему мнению, оптимальным было бы следующее решение обозначенных взаимосвязанных вопросов: право на заключение медиативного соглашения по результатам урегулирования спора, переданного на рассмотрение суда, возникает только при наличии прямого указания на него в доверенности; указание в доверенности права представителя на заключение медиативного соглашения означает также наличие у него права ходатайствовать об утверждении судом этого соглашения в качестве мирового. Если же представитель, ведущий дело в суде, не наделялся правом заключения медиативного соглашения в связи с передачей спора на урегулирование в рамках процедуры медиации, то представляется, что право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового должно отдельно оговариваться в доверенности.

По-иному, как нам представляется, должен решаться вопрос о полномочии по заключению соглашения о проведении процедуры медиации (ст. 8 Закона о медиации). Это соглашение не затрагивает судьбы процесса, возбужденного в суде по спору, передаваемому на урегулирование с применением процедуры медиации, заключается после передачи спора из суда на медиацию и носит организационный характер. Поэтому отнесение данного полномочия к числу специальных прав представителя, возникающих на основе судебной доверенности, было бы некорректным с юридической точки зрения.

Последствия действий представителя для доверителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Зависимость между характером полномочий представителя и возможными последствиями его действий не вызывает сомнений: чем серьезнее последствия, тем выше вероятность

нормативного признания за полномочием статуса специального. Эта зависимость прослеживается, безусловно, и в распорядительных правах сторон, отнесенных к числу специальных полномочий представителя. Однако, не ограничивается рамками только этих полномочий.

Указанная зависимость, как представляется, находит свое выражение в следующих полномочиях представителя, закрепленных в ст. 54 ГПК: право на подписание искового заявления, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, а также право на передачу полномочий другому лицу (передоверие). На первый взгляд, перечисленные полномочия ничто не объединяет. Однако, при ближайшем рассмотрении можно установить некоторые общие признаки, а именно: все они предполагают позиционирование доверителя по вопросам, от решения которых зависит: а) эффективность деятельности представителя по защите интересов доверителя; б) результаты процесса (исход дела). Передача спора на рассмотрение третейского суда является выражением свободы выбора доверителем формы защиты в рамках уже возникшего в суде дела между государственной судебной и третейской. Предоставление представителю возможности предъявления встречного иска означает наделение его правом применения наиболее эффективного средства защиты против иска, которое может оказать радикальное влияние на результаты процесса по первоначальному иску как для доверителя (ответчика), так и для истца. Наконец, возможность передоверия отражает позицию доверителя по вопросу о возможности ведения его дела лицом, которого выберет представитель.

Отдельно хотелось бы остановиться на полномочиях, связанных с подписанием некоторых видов видов процессуальных обращений. До принятия действующего ГПК такие полномочия в гражданском процессе не рассматривались законодателем как специальные (ст. 46 ГПК РСФСР). Процессуальные кодексы 2002 г., а вслед за ними и КАС, придерживаются единого подхода: специального указания в доверенности требует как право на предъявление иска, так и право на подписание искового заявления. Причем, данный подход, как следует из системного толкования ст. 54 ГПК, ст. 62 АПК и ст. 56 КАС и норм, регулирующих содержание жалоб (апелляционной, кассационной и надзорной), распространяется и на обращение в суды вышестоящих инстанций: для подачи жалобы представитель должен подтвердить наличие у него права обжалования судебных постановлений, а для подписания жалобы — право подписания соответствующей жалобы (ч. 3 ст 322, ч. 5 ст. 378, ч. 3 ст. 390.5, ч. 3 ст. 391. З ГПК и соответствующие статьи АПК и КАС). Аналогичным образом вопрос урегулирован и Кодексом гражданского судопроизводства республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-3, далее — КГС РБ (ст. 97, ч. 7 ст. 561, п. 2 ч. 4 ст. 593, п. 2 ч. 4 ст. 617). Представляется, что такой подход является оправданным именно с точки зрения значимости возможных последствий действий представителя по подpisанию указанных обращений для доверителя, особенно, когда речь идет о генеральной доверенности. При оформлении полномочий представителя с помощью разовой доверенности оставление доверителем права подписания обращения в суд за собой вряд ли имеет какой-то практический смысл. Если представляемый доверяет представителю предъявление конкретного иска, то логично presupполировать, что он доверяет представителю и подписание соответствующего искового заявления. Несколько иначе обстоит дело с доверенностью генеральной, которая выдается на ведение всех или какой-то части дел от имени представляемого в рамках срока ее действия. При выдаче такой доверенности полномочия на предъявление иска и подписание искового заявления носят абстрактный характер (не связаны с конкретным гражданским делом) и доверитель может выбирать между предоставлением двух полномочий одномоментно и предоставлением только

полномочия по предъявлению иска, оставляя за собой право подписания искового заявления, а значит и окончательного решения вопроса о предъявлении иска, имея в виду, что подача представителем искового заявления, не подписанного доверителем, будет практически невозможна. Тем самым применительно к генеральной доверенности наделение представителя сразу двумя полномочиями (и на предъявлении иска, и на подписание искового заявления) может рассматриваться как выражение высокого доверия, и, наоборот, оставление права подписания искового заявления за собой — как дополнительная гарантия принятия согласованного с доверителем решения по вопросу о реализации права на предъявлении иска. Аналогичная логика применима и к полномочиям по обжалованию судебного постановления и подписанию соответствующей жалобы (апелляционной, кассационной, надзорной).

Однако под критерий значимости последствий действий представителя для доверителя, по нашему мнению, подпадают еще несколько полномочий, которые в настоящее время не включены законодателем в перечень специальных полномочий представителя.

Прежде всего, в этой связи необходимо назвать право передавать спор на урегулирование в рамках примирительной процедуры. Сама возможность использования сторонами гражданского процесса медиации существует давно, а с 2019 года она составляет элемент более широкого права сторон — права на использование примирительной процедуры, которое охватывает процедуры переговоров, судебного примирения и медиации (ст. 153.3 ГПК, ст. 138.2 АПК, ст. 137.3 КАС). Однако, нормативное закрепление указанного права и всех трех процедур, его составляющих, никак не отразилось на составе специальных полномочий представителя. А между тем, передача спора на рассмотрение третейского суда и передача спора на урегулирование в рамках примирительной процедуры имеют общее происхождение как производные от права на выбор альтернативной процедуры урегулирования спора после возбуждения дела в суде. В этой связи представляется, что оба указанных права должны признаваться специальными полномочиями представителя. Так, по законодательству республики Беларусь, право на заключение соглашения о применении медиации, посредством которого все или отдельные споры передаются на урегулированию путем проведения медиации, требует специальной оговорки в доверенности (п. 13 ч. 2 ст. 97 КГС РБ). Различие в процессуальных последствиях применения этих полномочий (оставление иска без рассмотрения при передаче спора в третейский суд и отложение разбирательства в связи с передачей спора на урегулирование в рамках примирительной процедуры), на наш взгляд, не должно иметь решающей роли для определения статуса рассматриваемых полномочий как специальных. Принципиальное значение имеет то, что реализация обоих полномочий ведет к урегулированию спора вне судебного процесса и, соответственно, без судебного решения. Именно это последствие, как представляется, обусловливает значимость рассматриваемых полномочий с точки зрения доверителя, и, следовательно, за ним должно оставаться последнее слово в решении вопроса о наделении этими полномочиями своего договорного представителя.

В то же время, исходя из соображений разумной достаточности, представляется, что специальный характер должно носить полномочие на передачу спора для урегулирования с использованием двух из трех предусмотренных законодательством процедур — судебного примирения и медиации. Ведение представителем переговоров, как наименее формализованной примирительной процедуры, охватывается полномочием представителя на ведение дела. Ведь по сути переговоры мало чем отличаются от обсуждения условий мирового соглашения, возможность участия в котором (обсуждении) представителя не требует дополнительного полномочия. Иначе обстоит дел

с судебным примирением и медиацией, то есть процедурами объективно более сложными как с точки зрения организационной (привлечение нейтрального субъекта для урегулирования), так и собственно процедурной (необходимость ходатайства сторон, сроки проведения, взаимодействие между привлеченным примирителем, медиатором и судом и т. д.).

Заслуживающим отнесения к числу специальных, по нашему мнению, является и право на подписание заявления об обеспечении иска. Примечательно в этой связи, что в АПК данное полномочие отнесено законодателем к числу специальных (ч. 2 ст. 62 АПК), а в ГПК – нет (ст. 54 ГПК). Несколько иной вариант регулирования получил закрепление в КАС: к числу специальных данный кодекс относит право на заявление о применении мер предварительной защиты по административному иску (термином «меры предварительной защиты» КАС обозначает не что иное, как меры обеспечения иска). Иными словами, по КАС специальное указание в доверенности необходимо для возникновения права на подачу заявления о принятии мер обеспечения по административному иску, а не на его подписание. Представляется, что подход, использованный в АПК, является более оправданным: ведь подача заявления может рассматриваться как полномочие, производное от права на предъявление иска, а право под подписания заявления подчеркивает значимость самого вопроса, по которому подается заявление, подписанное представителем.

Говоря о субъективных процессуальных правах, сравнительно недавно закрепленных в ГПК, нельзя не отметить право на подачу заявления о возмещении судебных расходов (ст. 103.1 ГПК) и право давать согласие на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, когда инициатива на его применение исходит от суда или стороны по делу ч. 2 ст. 232.2 ГПК). Что касается первого полномочия, вопрос о механизме его реализации длительное время оставался дискуссионным в науке, однако законодательное воплощение получил поход, согласно которому для взыскания возмещения по судебным расходам, когда данный вопрос не получил разрешения в итоговом судебном акте по делу, не требуется предъявления самостоятельного иска, а значит, и возбуждения нового процесса. Однако, механизм реализации сам по себе не влияет на существо и значимость вопроса, для разрешения которого этот механизм устанавливается. Полагаем, что вопрос о взыскании возмещения по судебным расходам относится к числу значимых для участников процесса вопросов, а следовательно, полномочие представителя на подписание заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в суде, должно рассматриваться как специальное, требующее прямого указания в доверенности.

Право на дачу согласия относительно рассмотрения дела по правилам упрощенного производства, безусловно, имеет диспозитивную природу, то есть отражает свободу выбора стороной наиболее удобной процедуры рассмотрения дела. Однако, значимость последствий его реализации для доверителя едва ли может быть признана достаточной для закрепления данного полномочия в качестве специального. Более того, можно констатировать перевес позитивных последствий (минимизация объема совершаемых процессуальных действий, а значит и судебных издержек за счет невозможности совершения целого ряда действий) над негативными (невынесение, по общему правилу, мотивированного решения, сокращение срока на апелляционное обжалование, исключение из материалов дела доказательств, представленных с нарушением установленного судом срока, при отсутствии уважительных причин для такого нарушения). Поэтому считаем, что для дачи представителем стороны согласия на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства было бы достаточно

предварительного согласования представителем позиции по данному вопросу со своим доверителем в письменной форме с приобщением подтверждающего документа к материалам дела.

Аналогичным образом, как представляется, должен решаться вопрос о передаче дела в другой суд по месту нахождения большинства доказательств. Для осуществления такой передачи закон требует наличия волеизъявления обеих сторон, выраженного в форме ходатайства (п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК). Право предъявления ходатайств относится к числу общих полномочий представителя (ст. 35 ГПК). Учитывая связь передачи дела в другой суд по рассматриваемому основанию с обязанностью по доказыванию, а, следовательно, и с принципом состязательности, было бы уместно рассматривать предварительное согласование представителем позиции по данному вопросу со своим доверителем в качестве обязательного условия предъявления им ходатайства в порядке п. 2 ч. 2 ст. 33 ГПК.

Влияние действий представителя на возникновение и движение дела как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя.

Процессуальные действия сторон, посредством совершения которых обеспечивается движение дела, наряду с распорядительными полномочиями, традиционно рассматриваются как основные проявления принципа диспозитивности [8, с. 226]. Имеются в виду право на предъявление иска, право на обжалование судебных постановлений и право на предъявление исполнительного документа к взысканию. В этих действиях отчетливо проявляется роль волеизъявления участников процесса и, прежде всего сторон, как в возникновении процесса, так и в его переходе на стадии, следующие за производством в суде первой инстанции, а также в завершении процесса без вынесения судебного решения. Сама возможность влиять на движение процесса выступает как своего рода производная от заинтересованности в исходе дела, наличие которой признается как законодателем, так и процессуальной доктриной только за лицами, участвующими в деле, круг которых определен в ст. 34 ГПК. В этой связи логично, что законодатель предусматривает возникновение таких полномочий у представителя только на основании прямого указания на них в доверенности.

Однако влияние на движение дела (его возникновение) проявляется и в таких полномочиях, как право на подачу заявления о вынесении судебного приказа, право на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. В этой связи представляется закономерным признание за первыми двумя из перечисленных полномочий представителя статуса специальных Верховным Судом РФ (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»; п. 26 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»).

Право на предъявление встречного иска, хотя и является родственным по отношению к праву на предъявление иска, по нашему мнению, не может рассматриваться в контексте влияния на движение дела, поскольку имеет иное предназначение — защита ответчика

против иска. Поэтому определяющее значение для включения данного полномочия в перечень ст. 54 ГПК, на наш взгляд, имели последствия действий представителя для доверителя. Аналогичным образом вопрос должен быть решен и в АПК РФ, который, вопреки указанной логике, не относит право на предъявление встречного иска к числу специальных полномочий представителя (ч. 2 ст. 62).

Опосредованное влияние на движение дела характерно для права стороны заявить возражение в отношении рассмотрения дела в суде ввиду наличия соглашения сторон о рассмотрении спора третейским судом (абз. 6 ст. 222 ГПК). По действующему законодательству, для возникновения у представителя данного полномочия не требуется прямого указания на него в доверенности (ст. 54 ГПК). Тем не менее, целью возражения, по мысли законодателя, является оставление иска без рассмотрения, то есть завершение процесса без вынесения решения. Таким образом, налицо зависимость между продолжением процесса и волеизъявлением стороны или ее представителя. В то же время о негативных последствиях для доверителя в результате выдвижения возражения в данном случае говорить не приходится. Единственный эффект, который может нести на себе негативный оттенок для доверителя в данном случае, - возникновение неопределенности относительно перспектив повторного предъявления истцом тождественного иска в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения (ч. 2 ст. 223 ГПК). Однако такого рода последствие не может служить основанием для придания рассматриваемому полномочию представителя статуса специального. Думается, что предварительного согласования с доверителем, во избежание его негативной реакции на возникновение описанной неопределенности, будет достаточно для совершения представителем данного действия.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (далее – право на подачу заявления о пересмотре). Если исходить из буквального толкования ст. 54 ГПК, вывод напрашивается сам собой: указанное в перечне данной статьи ГПК право обжалования судебных постановлений охватывает собой лишь право на подачу жалоб в вышестоящие инстанции с целью проверки и (или) пересмотра судебных актов и в результате – устранения судебной ошибки, то есть право на подачу апелляционной, кассационной и надзорной жалоб. Расширительное же толкование, несмотря на то, что его можно встретить в литературе [\[6, с. 754\]](#), в данном случае представляется невозможным по двум причинам: во-первых, перечень, предусмотренный ст. 54 ГПК, с точки зрения юридической техники носит закрытый характер; во-вторых, специальные нормы (каковой является норма о полномочиях, требующих указания в доверенности, по отношению к ст. 35 ГПК, предусматривающей полномочия, которые такого указания не требуют) подразумевают исключительно буквальное (ограничительное) толкование.

Безусловно, с точки зрения терминологического подхода, пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не отвечает ни одному из указанных признаков, присущих праву обжалования судебных постановлений: формой обращения за таким пересмотром является заявление, а не жалоба; заявление, по общему правилу, подается в суд, вынесший оспариваемое судебное постановление; целью подачи заявления является приведение судебного акта в соответствие с обстоятельствами, которые не могли быть приняты во внимание судом при вынесении оспариваемого судебного акта, а следовательно, не устранение судебной ошибки.

Если же исходить из существа вопроса, а оно выражено в критериях отнесения полномочий представителя к числу специальных, право обжалования и право на подачу заявления о пересмотре ничем принципиально друг от друга не отличаются. Причем, как и в случае с правом обжалования судебных постановлений, основания для отнесения права подачи заявления о пересмотре к числу специальных обнаруживаются по двум из трех критериев.

Так, влияние права на подачу заявления о пересмотре на движение дела представляется очевидным: посредством волеизъявления на пересмотр, выраженного в заявлении, лицо, участвующее в деле, инициирует деятельность суда, вынесшего оспариваемое судебное постановление, направленную на повторное рассмотрение дела с учетом существенного для данного дела юридически значимого обстоятельства, которое по объективным причинам не могло быть учтено при первичном рассмотрении дела. Тот факт, что рассматриваемое влияние не носит поступательно восходящего характера, не меняет сути дела: да, современная система проверки судебных актов вышестоящими судами построена на начале последовательного обжалования (каждая следующая по иерархии инстанция привлекается к проверке судебного акта после исчерпания возможностей для отмены или изменения судебного акта в нижестоящей инстанции), но ведь движение дела не всегда имеет поступательно восходящий характер, да и сама суть движения подразумевает продолжение процесса через деятельность субъектов, а не только переход из нижестоящей инстанции в вышестоящую. Что же касается зависимости возникновения как проверки, так и пересмотра судебных постановлений от воли заинтересованных в них (проверке, пересмотре) лиц, то в этом вопросе законодатель придерживается единого подхода (ч. 2 ст. 320, ч. 1 ст. 376, ч. 1 ст. 390.2, ч. 1 ст. 391.1, ч. 1 ст. 394 ГПК).

С точки зрения последствий действий представителя для доверителя, право на подачу заявления о пересмотре заслуживает отнесения к числу специальных прав представителя в не меньшей степени, чем право обжалования судебных постановлений. Результат пересмотра, как и обжалования, предполагает отмену судебного постановления. После отмены осуществляется рассмотрение дела с учетом вновь открывшегося или нового обстоятельства, которое будучи существенным для дела по определению, с неизбежностью приведет к принятию решения, прямо противоположного тому, в отношении которого подавалось заявление о пересмотре. Именно это должно иметь, по нашему мнению, решающее значение для включения права на подачу заявления о пересмотре в перечень ст. 54 ГПК, и следует отметить, что такой подход уже нашел отражение в КГС Республики Беларусь (п. 10, 11 ч. 2 ст. 97).

В качестве контраргумента может быть выставлено различие в мотивации на обжалование и на пересмотр. Побудительным мотивом обжалования обычно является несогласие с решением или иным судебным постановлением по существу, то есть с основным выводом суда. Этот мотив носит субъективный характер. В случае с подачей заявления о пересмотре на передний план выходит само наличие обстоятельства, обуславливающего необходимость отмены решения суда. Этот фактор объективен сам по себе. Однако вопрос о том, воспользоваться ли имеющимся основанием в виде вновь открывшегося или нового обстоятельства, все равно решается лицом, уполномоченным на подачу такого заявления, исходя из заинтересованности на отмену судебного акта. Поэтому приведенный контраргумент представляется явно недостаточным для непризнания права на подачу заявления о пересмотре специальным полномочием представителя.

Нельзя не отметить, что ст. 62 АПК и ст. 56 КАС, а также ч. 2 ст. 84 проекта единого ГПК

РФ [\[11, с. 46\]](#), в отличие от ст. 54 действующего ГПК, относят право на подписание заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам к числу специальных полномочий представителя, что представляется вполне обоснованным, но все-таки недостаточным шагом законодателя. Ведь право на подачу заявления о пересмотре все три указанных акта оставляют за рамками перечня специальных полномочий. Противоположный подход нашел закрепление в Кодексе гражданского судопроизводства республики Беларусь: право на подачу заявления, как уже было отмечено, отнесено им к числу специальных, в то время как право на подписание заявления о пересмотре ввиду отсутствия прямого указания в законе, может рассматриваться лишь как общее (ч. 2 ст. 97, ч. 3 ст. 633 КГС РБ).

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что регулирование полномочий, связанных с проверкой и пересмотром судебных актов, должно подчиняться единой логике: к числу специальных прав представителя должны относиться как правомочия по подписанию жалобы и заявления о пересмотре, так и право на подачу жалобы и заявления о пересмотре. И, конечно же, указанная логика должна в равной мере применяться ко всем трем видам судопроизводства, опосредующим отправление правосудия по гражданским делам, - гражданскому, арбитражному и административному.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги.

Регулирование специальных полномочий представителя требует совершенствования. В основу такого совершенствования должны быть положены, прежде всего, критерии отнесения полномочий к числу специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном. Наконец, перечень специальных полномочий представителя требует расширения в связи с законодательным закреплением новых прав сторон, возникновение которых у представителя той или иной стороны (с учетом критериев отнесения к числу специальных) должно ставиться в зависимость от прямого закрепления каждого из них в доверенности.

С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями:

- по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии, также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований;
- по критерию последствий действий представителя для доверителя — на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК — на предъявление встречного иска;
- по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела — на

предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Различия по составу специальных полномочий между гражданским процессом, с одной стороны, и арбитражным процессом, а также административным судопроизводством, с другой стороны, могут сохраняться лишь применительно к тем правам сторон, которые пока не получили закрепления в ГПК. Это право подписания отзыва на исковое заявления (закреплен только в АПК) и соглашения по фактическим обстоятельствам (закреплено в АПК и КАС). Однако указанные различия могут рассматриваться как временные, на период до их нормативного закрепления в ГПК, которое можно оценить как весьма вероятное в среднесрочной перспективе.

Библиография

1. Гражданское процессуальное право России / Под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013. – 879 с.
2. Войтович Л. В. Ведение дел в гражданском и арбитражном процессе посредством действий представителя: монография. – Хабаровск, 2009. – 139 с.
3. Зайцев И. М. Полномочия представителя в гражданском процессе // Советская юстиция. – 1988. – № 21. – С. 21–23.
4. Комиссаров К. И. Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства. – Свердловск: Изд-во СЮИ им. Р.А. Руденко, 1982. – С. 3–17.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.В. Яркова. – М., 2020. – 1071 с.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Яркова. – М., 2021. – 928 с.
7. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. – М.: Статут, 2015. – 224 с.
8. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М., 2008. – 696 с.
9. Скуратовский М. Л. Дополнение иска в арбитражном процессе – злоупотребление? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. № 7. – С. 22–24. – DOI: 10.18572/1812-383X-2023-7-22-24
10. Тарло Е. Г. Профессиональное представительство в суде. – М., 2004. – 416 с.
11. Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2002. – 205 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, критерии нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Не менее значимым фактором, обусловливающим необходимость корректировки нормативно установленного перечня специальных полномочий представителя, является продолжающаяся унификация процессуального законодательства. Вопрос о специальных полномочиях представителя, без сомнения, относится к числу вопросов, требующих единообразного регулирования во всех трех судопроизводствах цивилистического процесса — гражданском, арбитражном и административном — поскольку объективных оснований для дифференцированного регулирования указанного вопроса попросту не имеется. В реальности же наблюдается целый ряд ничем не оправданных расхождений в регламентации рассматриваемого вопроса"; "В контексте распорядительной природы прав заслуживает отдельного внимания право истца на предъявление дополнительного требования. С формально-юридической точки зрения такого распорядительного права в цивилистическом процессе не существует, поскольку оно не предусмотрено ни одним из действующих процессуальных кодексов (ст. 39 ГПК, ст. 49 АПК, ст. 46 КАС). При этом ни процессуальная наука [5, с. 159] [9, с. 22-24], ни судебная практика (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции») вполне обоснованно не рассматривают предъявление дополнительного требования как форму изменения предмета иска или как разновидность увеличения размера исковых требований. В то же время, по значимости последствий для истца предъявление дополнительного требования вполне сопоставимо с изменением предмета иска: оба распорядительных акта направлены на конкретизацию пределов испрашиваемой судебной защиты. В этой связи, на наш взгляд, было бы обоснованным закрепление права истца на предъявление дополнительного требования как самостоятельной формы распоряжения исковыми средствами защиты и включение данного права в перечень специальных полномочий представителя путем внесения дополнений в соответствующие статьи ГПК, АПК и КАС"; "По нашему мнению, оптимальным было бы следующее решение обозначенных взаимосвязанных вопросов: право на заключение медиативного соглашения по результатам урегулирования спора, переданного на рассмотрение суда, возникает только при наличии прямого указания на него в доверенности; указание в доверенности права представителя на заключение медиативного соглашения означает также наличие у него права ходатайствовать об утверждении судом этого соглашения в качестве мирового. Если же представитель, ведущий дело в суде, не надеялся правом заключения медиативного соглашения в связи с передачей спора на урегулирование в рамках процедуры медиации, то представляется, что право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового должно отдельно оговариваться в доверенности. По-иному, как нам представляется, должен решаться вопрос о полномочии по заключению соглашения о проведении процедуры медиации (ст. 8 Закона о медиации). Это соглашение не затрагивает судьбы процесса, возбужденного в суде по спору, передаваемому на урегулирование с применением процедуры медиации, заключается после передачи спора из суда на медиацию и носит организационный характер. Поэтому отнесение данного полномочия к числу специальных прав представителя, возникающих на основе судебной доверенности, было бы некорректным с юридической точки зрения. Последствия действий представителя для доверителя как критерий нормативного закрепления специальных полномочий представителя" и др. Таким образом, статья

вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует критерии нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе, анализирует с этой точки зрения действующее процессуальное законодательство, выявляет соответствующие проблемы правового регулирования и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Полагаем, что необходимость специального указания в доверенности права увеличения размера исковых требований представляется излишним, ведь никаких рисков или негативных последствий для доверителя совершение данного действия вызвать не может" - "излишней".

Ученый отмечает: "Однако, влияние на движение дела (его возникновение) проявляется и в таких полномочиях, как право на подачу заявления о вынесении судебного приказа, право на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также право на подачу заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам" - первая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Следует избегать обращения к аудитории от первого лица единственного числа ("Полагаю, что в основе оптимального регулирования состава специальных полномочий должны лежать четкие, выверенные (как с теоретической, так и с практической точки зрения) критерии, по которым законодатель относит те или иные полномочия представителя к числу специальных").

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками, комментариями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (В.В. Ярков и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Регулирование специальных полномочий представителя требует совершенствования. В основу такого совершенствования должны быть положены, прежде всего, критерии отнесения полномочий к числу специальных. Кроме критериев корректировка круга специальных полномочий должна учитывать необходимость унифицированного подхода к регулированию вопроса о специальных полномочиях представителя в трех видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном. Наконец, перечень специальных полномочий представителя требует расширения в связи с законодательным закреплением новых прав сторон, возникновение которых у представителя той или иной стороны (с учетом критериев отнесения к числу специальных) должно ставиться в зависимость от прямого закрепления каждого из них в доверенности. С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями: — по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление

дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований; — по критерию последствий действий представителя для доверителя - на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК - на предъявление встречного иска; — по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела - на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Различия по составу специальных полномочий между гражданским процессом, с одной стороны, и арбитражным процессом, а также административным судопроизводством, с другой стороны, могут сохраняться лишь применительно к тем правам сторон, которые пока не получили закрепления в ГПК. Это право подписания отзыва на исковое заявления (закреплен только в АПК) и соглашения по фактическим обстоятельствам (закреплено в АПК и КАС). Однако указанные различия могут рассматриваться как временные, на период до их нормативного закрепления в ГПК, которое можно оценить как весьма вероятное в среднесрочной перспективе" и др.), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского процесса, арбитражного процесса, административного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе» предметом исследования является правовой институт представительства в гражданском (в широком смысле слова, который наряду с гражданским, включает арбитражный и административный) процессе.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов (таких как, теоретико-правовой, историко-правовой и др.) позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения.

Автор правильно отмечает, что «среди факторов, обуславливающих актуальность вопроса о критериях закрепления специальных полномочиях представителя необходимо назвать следующие: а) существенное повышение значимости института представительства вообще и профессионального представительства в частности в условиях усиления принципа состязательности в российском гражданском процессе; б) законодательное закрепление новых прав сторон, вопрос о видовой принадлежности которых в контексте статуса судебного представителя ранее в отечественной процессуальной теории не рассматривался (право выбора примирительной процедуры, право передачи дела из суда на урегулирование в рамках процедуры медиации, право на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела, право заявлять ходатайство о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства и некоторые другие); в) необходимость выработки унифицированного подхода к определению круга специальных полномочий во всех трех видах судопроизводства цивилистического процесса (гражданском, арбитражном, административном)». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового института представительства в цивилистическом процессе.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы положения, отличающиеся научной новизной: например, «...С учетом изложенного перечень специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе нуждается в дополнении следующими полномочиями:

- по критерию распорядительной природы действий представителя — на предъявление дополнительных требований, на заключение медиативного соглашения по результатам применения процедуры медиации по спору, переданному на рассмотрение суда, а при отсутствии в доверенности специальной оговорки о данном полномочии, также право ходатайствовать об утверждении такого соглашения в качестве мирового; только в АПК также право на уменьшение размера исковых требований;
- по критерию последствий действий представителя для доверителя - на передачу дела для урегулирования с использованием процедур судебного примирения и медиации, на подачу заявления о возмещении судебных расходов, на подписание заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, а в ГПК также на подписание заявления о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам и на подписание заявления об обеспечении иска; только в АПК - на предъявление встречного иска;
- по критерию влияния действий представителя на возникновение и движение дела - на предъявление заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, на подачу заявления о пересмотре судебного постановления (судебного акта) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам». В статье содержатся и другие положения, не только отличающиеся научной новизной, но и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную доктрину.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюdenы автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания. Замечаний по содержанию нет. Однако в тексте статьи

встречаются опечатки (например, "рассмаотрении").

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «К вопросу о критериях нормативного закрепления специальных полномочий представителя в цивилистическом процессе» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и административного судопроизводства, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.